

13 ФЕВ 1969

ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА

ПЕВЦЫ РОДНОГО КРАЯ

САМОРОДОК

Впервые мы встретились с ним несколько лет назад. И когда я услышал и узнал о его жизни, то сначала даже подумал: «Чудак человек!». Мне показалось, что многое Саша Реутов делает просто-напросто из какого-то баловства, что он шутит с жизнью и хочет прослыть этаким бесшабашным весельчаком...

Мы встретились с ним в рабочем общежитии, в Амурске. Саша ходил по коридору босиком, с запачканными краской руками, ничуть не стесняясь своего вида. Светлые глаза его смотрели на мир открыто и улыбочиво, рассказывая о себе, он залихватисто смеялся:

— Родина-то моя — Читинская область, там у нас есть два села — Кавыкучи. Верхняя Кавыкуча и наша. Не далеко они одно от другого, потому и говорят: от Кавыкучи до Кавыкучи — глаза выпучи! Под рифму так и говорят. А места — прелесть, на полотно просятя...

За свою короткую жизнь Саша поработал забойщиком в шахте, плотником, помощником машиниста экскаватора, бульдозеристом, электриком, бетонщиком.

Я не понимал, какая сила влекла его из конца в конец страны. Семьдесят три дня сидел он в седле велосипеда на пути от Мурманска до Читы. На моторке проплыл по Енисею до Усть-Порта с собачонкой Веткой. На веслах спускался до Николаевска-на-Амуре и на велосипеде же проехал вдоль всего Сахалина от Охи до Корсакова. Ни один отпуск не сидел дома. Он улыбается:

— Вел дневники, даже стихи писал. Вот на Енисее сочинил... Про луну...

Что смеешься вечно
с небосвода?
Спрашивал далекую луну,
Подождем назначенного
года —

На тебе палатку растяну...

Многие стихи его мне понравились. Их у него целая тетрадь.

Мы расстались хорошими друзьями, а не так давно меня остановила большая афиша на улице Карла Маркса в Хабаровске. Она извещала, что в зале Краевого художественного музея открыта персональная выставка художника-любителя, бетонщика из Амурска Александра Реутова.

Вхожу. Рисунки, скульптуры из веток и корневищ, резьба по дереву. Более ста работ. «Таймырская тундра», «Хибины», «Ленские столбы» — интересны по цвету и композиции. Скульптуры внешне грубы, но довольно убедительны и любопытны. Много работ посвящено товарищам — строителям комбината. Они представлены в скульптурах из дерева и серии досок с глубинной резьбой под общим названием «Амурская повесть». Эту работу Александр Реутов подарил народному музею, организованному им же самим в Амурске.

Я долго ходил по выставке, вспоминал наши с ним прежние встречи, и никак не мог освободиться от мысли: «Никакой он не чудак! И путешествовал по стране только затем, чтобы вобрать в себя ее красоту, подметить характер людей и рассказать об этом со всем жаром своего дарования».

ТАНЦОР

Как только он вышел на сцену, только ударил в бубен, зал замер, и с танцора никто

больше не сводил глаз: выступление эскимоса Нутетейна было настолько колоритным, своеобразным, удивительным по своему рисунку, яркости и звуку, что покоренный им зал рукоплескал и жюри зонального смотря художественной самостоятельности Дальнего Востока в Хабаровске вынесло единодушное решение: послать Нутетейна в Москву, на Всероссийский смотр.

Нутетейн — житель побережья Берингова моря, где люди ездят на собачьих упряжках и вездеходах, бьют китов и морского зверя, где зимой длинные ночи, а летом сплошные дни. Он из поселка Уэлена, окна которого смотрят через Берингов пролив на Аляску. Того самого Уэлена, косторезные мастера которого удивляли не раз своими изделиями из моржовой кости Москву и Ленинград, Париж и Токио, Брюссель и Монреаль.

Нутетейн родился в поселке Наукан, на скалистом берегу пролива. Там стояли яранги, темные и убогие яранги из оленьих шкур. Людям нравилось их место. Но когда пришла новая жизнь и во всех чукотских поселках яранги стали заменяться домами, они задумались. И было над чем: молодые уезжают из поселка учиться и часто не возвращаются к родным очагам, так как желают жить в деревянных светлых домах, которых не построить у них на скалах. Погоревали старики и решили переехать в Нуниамо.

Переехал и Нутетейн. Не оставаться же одному на скалистом мысе. Одному трудно охотиться в море, и для кого он будет петь и плясать?

О его песнях и танцах узнали за тысячи километров.

Некоторое время Нутетейн

и его жена, известная эскимосская танцовщица Рахтынаут, жили в Анадыре, учили молодежь национальным танцам и музыке. Он работал методистом в окружном Доме народного творчества. Но скоро затосковал пенсионер Нутетейн по побережью, по шуму родного пролива, потянуло его к охотникам, из жизни которых он черпал неповторимые сюжеты для танцев, темы и звуки для песен.

Далеко разнеслась слава о его танце «Полет чайки против ветра». Этот танец Нутетейн исполнял в Кремлевском Дворце съездов. Смысл его таков: ураган уносит птицу все дальше и дальше от берега, в море. Она борется с ветром, стремясь к своему гнезду. И с огромным усилием чайка достигает цели.

В танцах-песнях «Косторез», «Рыболов», «Охота на кита», «Строители домов» Нутетейн воспевает суровую красоту родного края, труд его людей.

Будучи уже старым, он поехал на курсы изучать теорию музыки и хореографии, учился писать ноты, играть на домре, чтобы музыкальное и танцевальное искусство чукчей и эскимосов стало более богатым и разнообразным.

...Дважды пересекались наши пути с Нутетейном. Мы встречались в Хабаровске и на Чукотке. Не так давно я вновь побывал в его родных краях и собирался из Лаврентия вылететь в Уэлен, но узнал, что Нутетейн снова в Анадыре: его пригласили туда в только что созданный Окружной чукотско-эскимосский ансамбль песни и танца для консультаций.

Ж. ЧЕСНОКОВ.
(Корр. «Правды»).

Хабаровск.